

ПИТАННЯ КОНСТИТУЦІЙНОГО ТА МІЖНАРОДНОГО ПРАВА

ГУЛИЕВ А.Д.,
кандидат наук по государственному управлению,
кандидат юридических наук, профессор
(Институт международных отношений
Национального авиационного университета)

УДК 341.48

КВАЛИФИКАЦИЯ И ВИДЫ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Досліджено складне соціальне злочинне явище тероризму, розглянуто вироблені правом кваліфікаційні форми й проблеми сприйняття цього феномена чинним міжнародним правом взагалі й міжнародним кримінальним правом зокрема.

Ключові слова: *об'єкт, суб'єкт, тероризм, кваліфікація, міжнародний тероризм, державні органи, міжнародний злочин.*

Исследуется сложное социальное преступное явление терроризма, рассматриваются выработанные правом квалификационные формы и проблемы восприятия данного феномена существующим международным правом вообще и международным уголовным правом в частности.

Ключевые слова: *объект, субъект, терроризм, квалификация, международный терроризм, государственные органы, международное преступление.*

The difficult social criminal phenomenon of terrorism is probed in the article, the problems of perception of this phenomenon by an existent international law in general and by an international criminal law in particular are examined.

Keywords: *object, subject, terrorism, qualification, international terrorism, public organs, international crime.*

Международное право претерпевает корректирование своих акцентов, связанное с новыми геополитическими реалиями и наметившимися тенденциями к изменению миропорядка. Попытки противостоять терроризму осложняются глобальным снижением уровня контроля в обществе, открытыми границами и расширением связей, что сопровождается массовыми перемещениями людей, денежных средств, товаров, информации и услуг.

Такое развитие событий создает сложные проблемы для законодателей и политиков и ставит перед ними вопрос: как в этих новых условиях наиболее эффективным способом использовать национальные законы, международные договоры и другие механизмы в борьбе с общепланетарным злом.

В связи с этим полагаем, что оценить способность международного права эффективно воздействовать на терроризм [1; 2] можно только на основании правового анализа состава этого преступления.

Как известно, любое правонарушение для того, чтобы быть квалифицированным в качестве такового, должно обладать определенными признаками, иметь соответствующий состав. Как следует из общей теории государства и права, «необходимость четкой характеристики признаков правонарушения объясняется тем, что именно оно является основанием возникновения юридической ответственности, которая связана с применением государственного принуждения к лицу совершившему данное правонарушение» [3, с. 30; 4].

Особое значение придается изучению состава объективных и субъективных признаков, необходимых для возложения ответственности на виновного за правонарушения во внутригосударственном уголовном праве. При этом правонарушение терроризма квалифицируется по четырем элементам: субъект, субъективная сторона, объект и объективная сторона.

Объект терроризма. Необходимым элементом состава международного правонарушения является объект правонарушения. Международное право, как известно, регулирует многочисленные возникающие в ходе общения общественные отношения, которые в случае междунаро-

дних правонарушений становятся объектами этих правонарушений.

Предписания правовых норм реализуются в основном в контексте существующих правоотношений. Вне таких правоотношений реализуются нормы, устанавливающие обязанности не совершать определенных поступков (запретительные нормы). Как справедливо отмечает Ю.А. Решетов, и правоотношения при реализации обычных норм, и соблюдение запретительных норм являются важными элементами действующего правопорядка. В случае международного преступления государство-нарушитель посягает на тот элемент правопорядка, который образуется соблюдением запретительных норм, более конкретно – на собственное обязательство воздерживаться от действий, запрещенных этими нормами. С другой стороны, как полагает Ю.А. Решетов, объектом международных правовых преступлений являются и общие правоотношения, связывающие всех участников международного сообщества [5, с. 20].

В силу того, что международный правопорядок охватывает разнообразные отношения и другие элементы, складывающиеся в результате исполнения международно-правовых норм, общим объектом международного правонарушения, а следовательно, и международного преступления являются международные отношения. Конкретные же правоотношения между потерпевшим субъектом и государством-нарушителем составляют непосредственный объект международного правоотношения.

Такой подход, по нашему мнению, применим и к преступлению терроризма. Как справедливо считает Е.Г. Ляхов, проанализировавший и суммировавший взгляды многих юристов по этому вопросу, общим объектом международного терроризма являются международные отношения и международный правопорядок. Непосредственным же объектом терроризма, по мнению Е.Г. Ляхова, являются конкретные международные отношения, урегулированные нормами международных договоров (например, по обеспечению привилегий и иммунитетов дипломатов и государственных деятелей), а также конкретные физические лица [6, с. 44].

Такой же позиции придерживается и В.Ф. Антипенко, который обозначил объект терроризма в предложенном им определении этого преступления: «Международный терроризм – это посягающее на международный правопорядок применение государством или самостоятельно действующим физическим лицом (их группой или организацией) насилия, направленного на достижение международно-противоправных целей путем устранения лиц, не являющихся непосредственными жертвами нападения» [7, с. 92].

Вопросы квалификации объекта международного терроризма находили отражение также в актах ООН. Так, в Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. указывается, что «акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами Организации Объединенных Наций, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствами, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества» [8].

Подводя черту под кратким анализом квалификации объекта состава терроризма, следует отметить, что непосредственными объектами устремлений терроризма являются безопасность международного сообщества в целом, суверенитет и территориальная целостность конкретных стран, дружественные отношения между государствами и народами.

Субъект терроризма. Анализ субъекта терроризма, т.е. определение того, кто организует и совершает акты терроризма и кто, согласно общим принципам права, несет за это ответственность, имеет большое теоретическое и практическое значение, учитывая значимость для международного сообщества объекта, на который посягает субъект терроризма.

В международном праве [9; 10] достаточно урегулированы, с одной стороны, вопросы международной уголовной ответственности физических лиц, а с другой – вопросы ответственности государств за международные правонарушения.

Нашел решение в международном праве и такой спорный до последнего времени вопрос, каким является вопрос совместимости международной правосубъектности индивидов и их уголовной ответственности за совершение международных противоправных деяний. С одной стороны, индивид не является субъектом международного права, поскольку он, хотя и выступает носителем прав и обязанностей по международному праву, однако не является в полном смысле слова участником создания его норм и предписаний, а также их выполнения их на практике. В то

же время, как утверждает Г.И. Тункин, можно считать доказанным, что физические лица могут нести ответственность по международному праву, отнюдь не становясь от этого субъектами этого права [11].

Такой же позиции придерживается Ю.М. Рыбаков, который считает, что «общепризнанный в настоящее время в международном праве принцип международной уголовной ответственности индивидов за преступления против мира и человечества является важным и необходимым дополнением института ответственности государства за агрессию как тяжкое международное преступление» [12, с. 182].

На сочетание в субъекте международного преступления ответственности государства и физических лиц указывали и такие известные юристы, как В.Ф. Антипенко, В.П. Емельянов, Ю.М. Колосов, А.И. Полторак, Л.И. Савинский и др. [13; 14; 15; 16; 17; 18].

Однако, на наш взгляд, едва ли возможно приведенную правовую формулу субъекта международного правонарушения, основанную на принципе соучастия физических лиц, применить однозначно к терроризму. Она может быть применена лишь к отдельным формам терроризма (например, государственного терроризма), поскольку для современного терроризма характерна дистанцированность физических лиц от государства. Подавляющее большинство террористических групп и движений не представляют официальные структуры или органы государства [19]. В то же время эскалация терроризма все чаще обнаруживает присутствие интересов государств и их активизирующееся спонсирование тех или иных террористических группировок. Глобализация экономики и социальной жизни практически не оставляют шансов большинству государств остаться в стороне от прямого или косвенного участия в террористических конфликтах [20, с. 567].

С другой стороны, именно государство, его политический режим, территориально-административное устройство, этнонациональная политика являются объектом основной массы современных террористических устремлений. В связи с этим можно утверждать, что терроризм своим глобальным размахом в значительной степени обязан обострению противоречий между государствами, группами государств. Поэтому в рамках международно-правовой характеристики состава терроризма государство как субъект преступления занимает важное место, несмотря на отсутствие его юридической связи с индивидами – исполнителями террористических акций. Однако это не означает, что международная ответственность индивидов за терроризм невозможна вне их связи (прямой или косвенной) с государством.

Специфика оценки субъекта терроризма как международного преступления здесь состоит в том, что, как было отмечено выше, в терроризме, как правило, отсутствует факт прямого соучастия, т.е. отношения физических лиц и государства не образуют государственный заговор, что затрудняет идентификацию ответственности индивидов и государства. Вместе с тем, как нам представляется, в случае террористических акций, которые совершаются физическими лицами, не имеющими формального отношения к государству, сам факт их допущения последним или его органами свидетельствует о соучастии государства в этих акциях. Однако с международно-правовой точки зрения трудно вменить государству соучастие в терроризме и признать в нем субъект террористического акта. В случае отсутствия прямой причастности государства к террористическим актам, такие акты, согласно международному праву, не должны в принципе рассматриваться как деяния государства, что снижает возможности международно-правового воздействия на терроризм. Вместе с тем, как показывает анализ деятельности многих террористических групп и организаций, за спиной исполнителей террористических актов нередко стоят заинтересованные государства [19] или их представители [21, с. 104].

Главным субъектом международного терроризма являются негосударственные террористические группы или организации. Формально такие структуры не находятся на службе у тех или иных государств, а последние не оказывают им официальной политической или моральной поддержки. Террористические группы и организации, выступающие как субъекты международного терроризма, организационно и политически могут быть самостоятельными либо выступать в качестве составной части других политических организаций или движений [22, с. 127].

В зависимости от цели совершения преступлений террористического характера они разделяются на преследующих политические цели и преследующие корыстные цели.

Главным индикатором идентификации корыстного или политического терроризма исследо-

ватели называют природу мотивации. Субъектами политического терроризма движет идея о необходимости изменения существующего порядка вещей и, независимо от специфики этой идеи, террористы рассчитывают заставить жить общество по правилам, которые они считают единственно верными, будь это внедрение принципов социальной справедливости, приводящее к построению «светлого будущего», установление тоталитарного режима с жестким делением людей на низшие и высшие классы или формирование исламского государства с ликвидацией светских институтов. Такой терроризм проявляется в деятельности внутренних, экстремистски ориентированных политических сил, организаций и отдельных лиц, противодействующих государственной власти, а также противоборствующих и не находящихся у власти политических сил, организаций и отдельных лиц, противодействующих государственной власти, а также противоборствующих и не находящихся у власти политических сил и организаций, использующих террористические методы (междоусобный терроризм) [23, с. 67].

Политический терроризм, как и любой другой терроризм, связан с применением или угрозой применения насилия. Причем насилие в данном случае не является самоцелью, а служит средством достижения других целей.

Мотивация субъектов корыстного терроризма (как правило, это представители профессиональной или организованной преступности) более проста – жажда наживы преступным путем. Они не стремятся к изменению существующего порядка вещей – он их, как правило, устраивает. Вместе с тем это не исключает использование организаторами корыстного терроризма идеологических концепций, например, для маскировки своих истинных целей, равно как корысть в политическом терроризме может заключаться не в непосредственном приобретении материальных благ, а в достижении неких жизненно важных для субъектов террористической деятельности целей социального, идеологического, духовного свойства.

Таким образом, мотив в террористической деятельности является тем системообразующим элементом, который определяет тактические и стратегические цели, преимущественные объекты и формы преступных посягательств, выбор места и времени совершения акта терроризма, отношение к СМИ и общественному мнению и другие показатели, с учетом которых и определяются отличительные черты политического и корыстного терроризма [24, с. 271].

Характеризуя субъект терроризма, В.Ф. Антипенко вводит понятие «совокупного субъекта терроризма». Юридическим обоснованием этому является, по мнению исследователя, тот факт, что терроризм продуцируется политическими процессами с участием двух (или нескольких) сторон (государств, групп государств) [13, с. 456].

Субъективная сторона терроризма. Правовой анализ субъективной стороны терроризма имеет большое значение, поскольку она, отражая интересы и намерения субъекта, служит внутренним источником поведения, направляет и регулирует объективную сторону поступка. Субъективную сторону любого преступления образует прежде всего психологическое отношение субъекта к своим общественно опасным деяниям и их последствиям. Естественно, что уголовная ответственность за такие деяния возможна лишь при наличии вины субъекта. Этот же тезис можно отнести и к ответственности государства за международные преступления.

Как отмечалось выше, принципы современного международного права не допускают возложения ответственности за совершение действия при отсутствии вины, заключающейся в наличии умысла или неосторожности. Умысел, то есть стремление субъекта правонарушения к достижению истинного результата на практике бывает двух видов: прямой, при котором субъект желает наступления результата, и косвенный, при котором наступление последствий допускается как возможное следствие соответствующих действий [25; 26].

Трудности международно-правовой квалификации тех или иных противоправных деяний, в частности терроризма, связаны с тем, что он зачастую оценивается не только с юридической, а во многом и с политической и даже нравственной точек зрения. Поэтому при анализе субъективной стороны терроризма немаловажная роль, на наш взгляд, должна отводиться оценке таких ее элементов, как цели и мотивы совершения преступления.

Таким образом, налицо нравственно-правовой нонсенс, когда гуманные цели достигаются бесчеловечными методами и средствами террора. В этом, на наш взгляд, и состоит логика терроризма, отражающая неоднозначность и опасность этого международного преступления.

Основываясь на упомянутом выше двойном совокупном субъекте, субъективная сторона

терроризма также образуется из двух противоположных составляющих.

Первая составляющая, отражающая, как правило, действия развитых государств по воспрепятствованию осуществления народами права на самоопределение и других подобных прав, характеризуется наличием виновного умысла на терроризм как продуцируемый результат деяний, прямо не направленных на совершение террористических акций. При этом важно учитывать, что действия этих государств, которые зачастую не могут быть оценены как преступные, направлены в большинстве случаев на достижение преступной цели.

Другая составляющая субъективной стороны характеризуется противоположными показателями критериев целей и средств совершения терроризма: при позитивных целях имеет место использование преступных средств, которые, по сути дела, и составляют суть современного терроризма [13, с. 469].

Рассматривая субъективную сторону терроризма, следует учитывать также, что терроризм, в отличие от других международных преступлений, в которых преобладает прямой умысел, должен обуславливаться и косвенным. Таким образом, субъективная сторона терроризма характеризуется наличием у субъекта преступной цели, реализуемой преступными средствами с учетом общего виновного умысла на осуществление терроризма.

Объективная сторона терроризма. Согласно теории права, объективная сторона правонарушения заключается в действии или бездействии, нарушающих правовые предписания. Международное преступление характеризуется несколькими признаками. Процесс совершения международного преступления начинается с преступного действия (бездействия) и завершается наступлением вредных последствий. Таким образом, можно выделить три компонента, из которых складывается объективная сторона: общественно опасное действие (бездействие) субъекта; вредное последствие; причинная связь между ними [27, с. 5].

Методика рассмотрения особенностей объективной стороны терроризма, на наш взгляд, должна сводиться к оценке двух аспектов: а) терроризма как средства насильственного разрешения конфликтов; б) объективной стороны терроризма в широком смысле слова, т.е. в ее совокупном понимании как деятельности, продуцирующей терроризм.

Касаемо первого аспекта объективной стороны терроризма как средства насильственного разрешения конфликтов нужно отметить следующее. Во-первых, терроризм как насильственное действие формировался в общественной культуре насилия соответствующими поведенческими установками и взглядами общественности, передаваемыми из поколения в поколение. При этом насилие, в котором присутствовали террористические методы, выделяется своей эффективностью в достижении результатов, низкой затратностью по сравнению, например, с решением проблем военным путем.

Во-вторых, формирование средств, методов и тактики терроризма во многом происходило на волне неокOLONиалистских устремлений развитых государств Запада, а также реализации политических планов в ходе «холодной войны». К середине 60-х годов прошлого века, когда многие политические движения были заняты поисками более эффективных, нежели открытое вооруженное противостояние, методов деятельности, к их услугам был готов разнообразный и отточенный до совершенства террористический арсенал. Причем исполнители представляли собой многие народы, национальности и племена Ближнего Востока, Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Другим важным событием, обусловившим эскалацию терроризма, в частности терроризма в СНГ, явился распад СССР и крушение социалистической системы как идеологического и экономического противовеса Западу. Терроризм в этих условиях получил новый импульс и возрос до уровня, определяющего его с юридической точки зрения как международное преступление [28, с. 65]. Многие национально-освободительные и религиозно-сепаратистские движения к середине 90-х годов прошлого столетия перешли к открытому использованию террористических методов деятельности.

Как отмечалось выше, терроризм в собственном смысле слова – это сложное международное преступление, достигающее геополитического уровня. Соответственно, его объективная сторона представляет собою не одно действие и даже не серию действий одного лица, а сложную разветвленную деятельность состоящих в различных формах взаимосвязи и соприкосновений многих лиц, организаций, государств и групп государств, осуществляемую во многих случаях на протяжении длительного времени.

Подводя итог исследованию элементов квалификации рассматриваемого нами международного преступления, необходимо отметить, что международный терроризм представляет собой

совокупность совершенных в условиях мира между государствами следующих деяний: незаконное и преднамеренное совершение лицом (группой лиц) на территории государства насильственного акта в отношении пользующихся защитой, согласно международному праву, иностранных государственных или международных органов или учреждений, и/или их персонала, средств международного транспорта и связи, других иностранных или международных объектов; организованное или поощренное иностранным государством на территории данного государства незаконное и преднамеренное совершение лицом (группой лиц) насильственного акта в отношении национальных государственных органов или общественных учреждений, национальных политических и общественных деятелей, населения или иных объектов в целях изменения государственного и общественного строя, провокации международных конфликтов и войны.

Международный терроризм является международным преступлением, затрагивающим интересы всего мирового сообщества в целом. Совершившие акты терроризма подлежат уголовному преследованию в рамках системы международной уголовной юстиции.

Список использованной литературы:

1. Требин М.П. Терроризм в XX веке. – Мн., 2003.
2. Агаев Н.А., Карпов М.О., Хміляр О.Ф. та ін. Сучасний тероризм – причини і прояви. – К., 2005.
3. Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. – К.; Одесса, 1991. – С. 30.
4. Антипенко В.Ф. Международная криминология: Опыт исследования терроризма: монография. – Одесса, 2011. .
5. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., 1983.
6. Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М., 1987.
7. Антипенко В.Ф. Поняття тероризму (кримінально-правове визначення) // Право України. – 1999. – № 2. – С. 92-95.
8. Док. ООН А/КЕ5/49/60.
9. Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков, 1997. – С. 64-65.
10. Кормушкина Н.В. Конвенционный механизм борьбы с международным терроризмом: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1993.
11. Тункин Г.И. Теория международного права. – М., 1970.
12. Рыбаков Ю.М. Вооруженная агрессия – тягчайшее международное преступление. – М., 1980.
13. Антипенко В.Ф. Тероризм: кримінологічна та кримінально-правова характеристика. – К., 1999.
14. Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. – М., 1975.
15. Смелянов В.П. Злочини терористичної спрямованості. – Х., 1997.
16. Смелянов В.П. Терроризм как явление и как состав преступления. – Х., 1999;
17. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб., 2002.
18. Полторац А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. – М., 1976.
19. Нетаньяху Б. Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма. – М., 2002.
20. Гулієв А., Османов А. Державна політика Республіки Вірменії до Нагорного Карабаху // Гілея: Наук. вісник. – Вип. 38. – К., 2010. – С. 576-583.
21. Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Истор. справ. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск, 1999.
22. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. – М., 2003.
23. Авдеев Ю.И. Типология терроризма. Современный терроризм: состояние и перспективы. – М., 2000.
24. Гулиев А.Д. Средства массовой информации и международный терроризм // Часопис Київ. ун-ту права. – 2011. – № 3. – С. 271-275.
25. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., 1983.
26. Гулиев А.Д., Маначинский А.Я. Вызовы терроризма в Черноморском регионе: этнологический аспект, или есть ли у террористов родина? // Международное право и проблемы интеграции: Научно-аналит. и практ. журнал Бакин. гос. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 59-68.
27. Международное уголовное право. – М., 1995.
28. Антипенко В.Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его упреждения. – К., 1998.

Надійшла до редакції 13.12.2011

